

ГЛАВА 37. МАЛЕНЬКАЯ ХИТРОСТЬ

Наступил полдень следующего дня. Когда солнце стояло в самом зените, нещадно выжигая пустыню, старик Фу наконец закончил кропотливую работу. Он поочерёдно отметил на карте все точки, которые удалось опознать по фотографиям: всего сто сорок семь мест, из них двадцать девять располагались вдоль русла реки.

Фу Гохай нахмурился, задумчиво покусывая кончик ручки. Даже Фу Яньтао и Лу Цинсюэ, обычно не внушавшие доверия своей легкомысленностью, теперь сосредоточенно замерли над столом, изводя лист за листом на бесконечные наброски и расчёты.

Заметив, как безмятежен Ли Ле, Цзян Жуцзин слегка толкнул его локтем.

— Ты же вчера говорил, что раздобыл какие-то сведения о храме Кхалан? Может, поможешь им?

— Храм Кхалан? — Лу Цинсюэ вскинула голову, не сдержав возгласа.

Жуцзин не старался понизить голос; напротив, он произнёс это нарочито громко, так что старик Фу и остальные, находившиеся поблизости, услышали его отчётливо.

Старик вскочил с живостью, совсем не свойственной его летам, и молнией метнулся к ним. Забыв о приличиях, он вцепился в рукав Ли Ле, дрожа от возбуждения:

— А ну-ка, пойдём со мной!

Жуцзин с довольным видом наблюдал, как помрачневшего Ли Ле утаскивают прочь, и лишь лениво помахал ему рукой на прощание, словно это его вовсе не касалось.

— Уверен, Наставник не пожелал бы, чтобы место его вечного покоя вновь кто-то тревожил, — с явным неодобрением проговорил Ачамоло.

— Какого ещё покоя? — Жуцзин лишь презрительно фыркнул. — Вон он, вполне себе бодрствует и процветает.

Ачамоло долго и пристально смотрел на него, после чего тяжело вздохнул. После их ночного разговора, когда этот человек обливался горькими слезами, с первым лучом солнца он вновь оцетинился, превратившись в прежнего колючего и резкого юношу. Словно те кровавые признания под покровом тьмы были лишь мимолётным сном.

Ачамоло оставался в этом отряде лишь с одной целью — в решающий момент сбить их с пути, увести подальше от храма, чтобы никто не смел нарушить уединение его господина. Но Цзян

Жуцзин, прекрасно зная, что это за место, фактически заставил самого Наставника вести людей к собственной могиле. Подобное святотатство казалось ему невыносимым.

Жуцзин, заметив перемену в его лице, быстро догадался, о чём тот думает.

— Дела прошлого должны быть завершены, — отрезал он холодным, рассудительным тоном.

Ачамоло замер, а Жуцзин продолжил:

— Ты ещё помнишь царя Чжаньдуоло?

Буддийская бусина медленно кивнула:

— В этом и кроется некая чертовщина. Тогда, в порыве ярости, я совершил непоправимое. Чтобы искупить мою вину, Юболо лишил себя жизни в собственных покоях... Помнится, Чжаньдуоло должен был исчезнуть в недрах дворца, но он появился в том самом храме! Да ещё и воскрес столь жестоким и странным образом. Этого просто не должно было случиться...

— Вот именно, — чеканя слова, произнёс Жуцзин. — Ты думал, что всё закончилось давным-давно, но на самом деле история ещё не дописана.

Ачамоло не нашёл, что ответить. Его вновь захлестнуло раскаяние. Если бы тогда он не потерял рассудок, не погибли бы тысячи невинных душ, не было бы угрозы осквернения праха Наставника. И уж точно царь Чжаньдуоло не превратился бы в то существо, коим стал сейчас — в монстра, чьё воскрешение принесло лишь невыразимую муку и скверну.

Видя, что Ачамоло перестал оспаривать его решение выдать Ли Ле, Жуцзин слегка прищурился. Эта «маленькая бусинка» была на редкость простодушна, а его сострадание порой казалось излишним.

Ачамоло же подумал: «Наставник ведь и сам хотел защитить этих людей на пути к храму Кхалан... Неужели именно там всё должно закончиться? В таком случае, я обязан быть там. Это мой долг — искупить вину. Пусть тогда на всё была причина, но пожинать плоды должен я, а не Наставник».

Он поднял голову, желая поделиться своей догадкой, и вдруг поймал взгляд Жуцзина.

Юноша, который с самого пробуждения казался невыносимо дерзким и полным ядовитой злобы, сейчас молча смотрел в сторону обсуждающей что-то группы. Точнее — на человека в полевой форме. Он смотрел с такой бездонной нежностью и горечью прощания, что у Ачамоло перехватило дыхание.

В одно мгновение он всё понял.

Если за древние грехи всё же придётся платить, то этот человек решил принести в жертву себя.

Тогда его попытки оттолкнуть Наставника обретали смысл. Он боялся, что тот будет страдать после его гибели, и потому старался заранее выстроить стену отчуждения. Чтобы потом, когда всё закончится, боль потери была не столь невыносимой.

«Болван... Какой же ты глупец», — невольно подумал Ачамоло.

Каменное тело, молившее о пощаде, не было ложью. Мучительные слова и ярость — тоже. И раскаяние Наставника было истинным. Всё указывало на то, что когда-то он совершил нечто ужасное по отношению к нему... Но почему же тогда, несмотря на всю перенесённую боль и ненависть, он всё равно смотрел с такой отчаянной любовью и печалью?

Тем временем Ли Ле, беседуя со стариком Фу, внезапно замер. Поймав недоуменный взгляд профессора, он коротко бросил:

— Ничего, продолжаем. Я одно время изучал архитектуру и припоминаю, что в этих краях были свои обычаи. Считалось, что излучины рек — это места перехода духовной энергии. Поэтому я предполагаю, что храм Кхалан может находиться...

«Номер Два, почему мой уровень дружелюбия снова упал на один пункт?» — холодно спросил он в своём сознании.

Каждый раз, когда он называл Систему «Номером Два», это означало, что он в скверном расположении духа. Маленький белый шарик, заменявший Системе тело, съёжился и ответил механическим, подчёркнуто официальным тоном:

«День! Зафиксирована нестабильность эмоционального фона Объекта прохождения. Кратковременное недопонимание со стороны Хозяина, признаки враждебности или неприязни отсутствуют. Предположительно, предыдущий Объект, Цзян Чэн, в ходе общения сообщил информацию, не порочащую Хозяина напрямую, но влияющую на его эмоциональное состояние. Мониторинг активен, запись ведётся. Желаете прослушать последние десять минут диалога?»

За долгие годы службы Ли Ле Второй усвоил: когда этот страшный человек становится серьёзным, лучше отвечать по форме. Иначе можно легко получить удар по ядру прямо внутри собственного сознания.

«Воспроизведи немедленно», — приказал Ли Ле.

Продолжая указывать старику Фу место на карте, он внимательно вслушивался в разговор Жуцзина с Ачамоло.

— Если исключить эти два отдалённых участка, то самым перспективным местом для поиска будет вот это, — произнёс он, и в его взгляде, тёмном как обсидиан, вспыхнул странный блеск. Сохраняя привычный холодный тон, он нарисовал перевернутый треугольник на карте Фу Гохая.

Берег реки Цзило, пустынная равнина, Залив Солнца.

Старик Фу так и просиял:

— Готовьтесь к выходу!

Перед отправлением Цзян Жуцзин наотрез отказался садиться в одну машину с Ли Ле. Ачамоло колебался между прежним хозяином и тем, кому хотел помочь, но, заметив тоскливый взгляд, которым Жуцзин провожал удаляющуюся спину Ли Ле, всё же сел в одну машину с юношей.

«Цзян Чэн явно что-то замышляет...» — пробормотал белый комочек в голове Ли Ле, наблюдая, как объект их миссии уходит к «врагу».

Ли Ле уже дважды прослушал запись разговора. Скрестив руки на груди, он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

— Разбудите, когда приедем, — бросил он подчинённым.

«Но если он так тебя очерняет, почему уровень дружелюбия падает так незначительно? У Объекта вообще не тот характер, чтобы кого-то ненавидеть... Ну, кроме того случая с Династией Превосходящей Птицы!» — робко вставила Система.

«Он меня не очерняет, — бесстрастно отозвался Ли Ле. — Помнишь, я учил его в мире Тяньюань играть в "мимик-чесс"?» Не дожидаясь ответа, он продолжил: «Тот, кто играет чёрными и знает, что слабее, первым ставит камень в центр — в точку Тяньюань, а потом просто повторяет каждый ход противника. В итоге он может выиграть на пару очков... Так и здесь. Он не пытается меня подставить. Он пытается перехватить мою победу!»

«А?» — Второй озадаченно мигнул, хотя за судьбу Хозяина не слишком беспокоился.

«Хм, — Ли Ле вдруг усмехнулся, и в отражении стекла он блеснул глазами. — Клялся в любви,

а теперь только и делает, что создаёт проблемы. Я тысячу лет кропотливо копил эти сто тысяч очков, а он решил их увести прямо у меня из-под носа?»

Тут Второй не выдержал и поддакнул:

«Вот именно! Столько трудов ради этих очков! Даже Ду Чжицю в этом мире едва наскрёб сорок тысяч!»

«Ха! Этот паршивец Ду Чжицю хапнул свои сорок тысяч и сбежал, оставив мне весь этот бардак! — Ли Ле прищурился. — Как бы мне хотелось встретить его снова...»

«Точно-точно! При встрече нужно его так отделать, чтобы родная Система не узнала! — Белый комок подпрыгнул от восторга. — Но что ты планируешь делать с этим Цзян Чэном?»

Ли Ле медленно моргнул:

«Разумеется, я буду над ним издеваться».

«Верно! Так его!»

Машины больше четырёх часов тряслись по выжженной пустыне, следуя вдоль высохшего русла реки, пока наконец не выехали на участок ровного, плотного песка. Стоило выйти из машины, как ноги по щиколотку тонули в жёлтой пыли.

Глядя на бескрайний «пляж», все притихли. Ань Тин с сомнением пробормотала:

— Неужели это здесь?

Старик Фу, поправив очки, выглядел куда увереннее. Он достал ультразвуковой сканер и, немного поколдовав над настройками вместе с помощниками, начал зондировать почву. Вскоре на мониторе появились данные: на глубине 421 метра обнаружилась огромная полость.

Лу Цинсюэ ахнула:

— Так глубоко!

Весь разум Фу Гохая теперь был поглощён таинственным храмом Кхалан. Он резко обернулся к людям Ли Ле:

— Быстрее, начинайте раскопки!

Однако бойцы не шелохнулись. Профессор растерянно посмотрел на Ли Ле:

— Капитан Син...

Ли Ле лишь слегка повёл головой и сухо скомандовал:

— Через десять минут — направленный подрыв!

Услышав приказ, мужчина, стоявший рядом с Ли Ле — его заместитель, — сочувственно взглянул на сконфуженного профессора и повернулся к отряду:

— Первая группа, грузите оборудование обратно в машины! Вторая — разметить зону взрыва, третья — подготовить заряды. Пошли!

Небольшой отряд мгновенно разделился на группы и чётко приступил к выполнению задачи.

Ачамоло застыл, глядя на песок под ногами. Заметив это, Жуцзин подошёл ближе:

— Это здесь?

Ачамоло молча кивнул.

Это было то самое место, где он когда-то пробудился и обрёл форму. Храм Кхалан.

Минула тысяча лет, и бывшие зелёные горы и чистые воды превратились в прах. Под палящим солнцем всё живое становится пылью.

<http://bllate.org/book/17530/1706543>